

ИНГУНА УЛА ЦЕПИТЕ

Ульсик

Главы из документального романа

Перевод и вступление ОЛЬГИ ПЕТЕРСОНЕ

[195]

ИЛ 3/2017

Ульсик — детское ласковое прозвище Ингуны Цепите. Она выросла в семье всемирно известных дирижеров Аусмы Деркевицы и Иманта Цепитиса и вместе с родителями принимала участие в самых ярких событиях советской истории 60-х—80-х годов. После школы Ингуна пришла петь в Государственный академический хор “Латвия”, в составе которого работала с выдающимися мировыми оркестрами и такими звездами мира музыки как Марис Янсонс, Эндрю Ллойд Уэббер, Сара Брайтман, Елена Образцова, Ирина Архипова, Владимир Федосеев и многими другими. Травма пальца не позволила Ингуне продолжить музыкальную карьеру, и она отдала себя второй страсти своей жизни — книгам, закончила факультет журналистики Латвийского Университета и с 1990 года возглавляет одно из ведущих латвийских издательств “Петергайлс”.

1. Ульсик

УЛЬСИК пододвигает горшок еще ближе к маленькой белой кафельной печке. Иначе попа примерзнет, не оторвать, будешь всю жизнь ходить с горшком за спиной, — так Ульсику говорит бабушка. Но это только зимой. Хотя и летом горшок холодит, потому что фаянсовый, наверное.

На самом деле Ульсик живет у бабушки не всегда. Ульсик живет на окраине города, недалеко от леса и озера Бабелитис. Потому что там живут его родители. В совсем обыкновенной хрущобе. В совсем обыкновенной двухкомнатной квартире. Ульсик считает, что квартира замечательная — в ней есть даже два стальных шкафа, где Ульсик иногда прячется. Или, когда нет родителей, устраивает большую ревизию. У одного шкафа двери зеркальные — около них Ульсик примеряет мамины туфли, когда он совсем один. Чаще всего те самые, из серебристо-золотистой парчи с ужасно тонкими и высокими каблуками и острым носом. Кажется, эти туфли

© INGUUNA CEPITE, 2017

© ОЛЬГА ПЕТЕРСОНЕ. Перевод, вступление, 2019

Главы публикуются с любезного разрешения автора.

прислал дедушка из Америки. Об этой Америке громко никто не говорит, но Ульсик все равно слышал. Слышал и то, что дедушка был офицером Латвийской армии. Ульсик думает, что знает, что это за птица — офицер, потому что он смотрел кино про войну. Взрослые ведь думают, что у них великие тайны, о которых дети не догадываются. Ульсик уверен, что сам знает много великих тайн, но пусть только взрослые попробуют выпытать — не выйдет.

У него много тайн тут же, в квартире: в кухне поменьше, а больше — в комнатах и в коридоре, в стенных шкафах, хотя Ульсик чаще вертится именно в кухне. Обычно тогда, когда там происходит что-то интересное: из дырочек мясорубки выползают колбаски, как красные дождевые червяки, или по праздникам в стеклянной банке вращаются железные вилки, пока банка не наполнится взбитыми сливками. Иногда и Ульсику позволяют покрутить ручку, которая приводит в движение железные вилки, но сливки взбиваются так медленно, что обычно завершают дело мама или бабушка. <...>

Хотя маме и папе стенные шкафы хрущобы и не кажутся такими большими, как Ульсику, они до сих пор радуются, что Зиемелите когда-то взяла папу к себе. Папа из города Гулбене, и, когда он закончил учиться на дирижера, у него в Риге не было жилья. Ульсик думает, что папа во время учебы жил в дирижерской школе. А Зиемелите, хоть и была очень пожилая, но пела в хоре старых революционеров, которым папа дирижировал. В очень странном хоре. Ульсик это знает, потому что папа брал его на репетиции. Там старенькие бабушки и дедушки давали Ульсику конфеты, обычно леденцы или ириски. А некоторые — просто кусочки сахара. Ульсику казалось, что революционерам очень нравится папа, и Ульсик — тоже.

Ульсик даже помнит песни, которые они пели. Они повторяли одни и те же: “С боевым кличем на устах” и “Вставай, проклятьем заклейменный”. Папа говорил, что эта песня называется “Интернационал”. Были и еще, и на иностранных языках тоже, кое-чего Ульсик не помнит, но может напеть мотив любой песни. Ульсик слышал тогда: в этом хоре были и настоящие — убежденные — революционеры, и фальшивые — вроде как не совсем настоящие, наверное. Этого Ульсик не понимает. Все ведь понять невозможно: Ульсику ясно, что многие вещи, которые говорят взрослые, они и сами не понимают. Потому что не могут объяснить Ульсику.

Есть еще один хор, там больше репетиций, и перед ним мажут руками и мама, и папа, и, хотя Ульсик еще совсем маленький, родители по вечерам берут его с собой в Старую Ригу. В зале, где поют тетеньки, которые гораздо моложе революционе-

рок, Ульсик частенько ползает под пустыми креслами: в один ряд залезет, из другого вылезет, пока не доберется до первого ряда, а там уже некоторые тетеньки смотрят и улыбаются, но мама не видит, потому что стоит спиной и продолжает взмахивать руками. Тогда Ульсик садится в первый ряд пустого зрительного зала и становится публикой. Так однажды мама сказала: сиди тихо и слушай, теперь ты — наша публика. <...>

2. Бабушка

Ульсику повезло. У него бабушка самая лучшая на свете. И Ульсик, и все остальные всегда называют ее ласково бабулей. Бабуля Ульсика совсем не такая, как гулбенская бабушка, у которой есть дойная корова и коза, а осенью сад полон красных Оскаров — гладиолусов с дедушкиным именем.

Бабуля — настоящая городская бабушка. Она даже иногда волосы забирает в сеточку. А иногда она свои давно уже не пышные волосы закалывает большой металлической заколкой. По вечерам Ульсик примеряет эту заколку. Бабушку Ульсика любят все. Это потому, что она ко всем относится сердечно и отзывчиво. Соседка однажды сказала: для твоей бабушки весь мир — семья. Наверное, так и есть. Бабушка всех друзей Ульсика считает своими внуками. И так же относится к близким и совсем дальним родственникам. Бабушка у себя в домике на Мичуринской самую сухую и лучшую комнату отдала папиной сестре Инаре, ее мужу и детям, которые там родились. И ведь папа же ей не сын, а только зять, к тому же надо признаться, что бабушка с папой, бывает, ссорятся по-настоящему.

Она и с мужем Инары однажды поссорилась, это случилось как раз на свадьбе крестной Инары и Вилмарса. На свадьбе Ульсик все время забирался невесте на колени. Ведь это, в конце концов, его любимая крестная, да и платье такое красивое. Жених рассердился:

— Гони этого ребенка! А то еще подумают, что это твое приданое!

Тогда рассердилась бабушка. Видно, сказала Вилмарсу что-то и нагнала на него страху. Молодой муж успокоился, а Ульсик убежал на другой конец стола, от беды подальше.

Мама как-то рассказывала подруге: бабушке жилось трудно, ее муж, мамин отец Рудольф, был тем самым офицером. Чтобы его не расстреляли, ему пришлось уехать из дома от жены и дочери. Кажется, в Германию. А теперь он уже давным-давно в Америке. Настоящие трудности и начались после дедушкиного отъезда. Когда родилась мама Ульсика, ба-

бушка с дедушкой еще жили в Даугавгривской крепости. Ульсик тоже хотелось бы родиться в крепости. Но такое, видимо, случается только с принцессами в сказках про рыцарей. И с мамой случилось. С тех крепостных времен мама боится покойников, потому что бабушку однажды позвали помочь обмыть одну умершую тетю. Маму, тогда совсем маленькую, бабушка посадила на санки и взяла с собой. Мама очень испугалась, ничего путного о той умершей тете она уже и не помнит, а страх перед покойниками остался. Это была одна из причин, почему мама все-таки не стала учиться на доктора, пусть и хотела. А может, вовсе и не хотела так уж сильно?

Позже дедушка с бабушкой и мамой жили в огромной квартире в центре Риги, на Спортивной улице, эту прекрасную квартиру мама и сегодня часто вспоминает. Когда пришли русские, какой-то советский офицер выгнал маму и бабушку на улицу. Просто пришел в квартиру, сказал, что ему здесь нравится, и приказал убраться через два часа. Он не знал, что бабушку голыми руками не возьмешь. Она снесла вниз во двор всю прекрасную мебель и — чирк! — поднесла спичку и все спалила, потому что не могла пережить такую несправедливость, не хотела, чтобы все досталось этому человеку. Мама сказала подруге, что за это бабушку могли послать к белым медведям. К медведям? Ну, этого Ульсик опять не понимает. Шуточки взрослых. Говорят, при немцах бабушка спрятала соседей — одну еврейскую семью. Ульсик удивляется, зачем надо прятать взрослых? Как в прятки? Видимо, все это Ульсику знать не надо, потому что мама с подругой разговаривали шепотом. Они и не заметили, что Ульсик снова в стенном шкафу и слушает. Ульсик слышал и то, что потом им нечего было есть, и мама заболела страшной болезнью — чахоткой, что бабушка оставила маму жить в какой-то там девичьей у одноклассницы по французскому лицу, которой мама помогала в учебе, а сама бабушка уехала из города.

— ...в деревню. Помогала, присылала мне сливки, и... иначе я бы и не... — Мама, по-видимому, слишком далеко отошла от шкафа, и Ульсик больше ничего было не слышно. <...>

Ульсик, хоть и маленький, часто ходит вместе с бабушкой на работу. Раньше у бабушки была другая работа. Ульсик слышал, что бабушка окончила коммерческое училище. Ульсик не знает, что это за училище. Когда-то бабушка работала бухгалтером у самой знаменитой в Латвии дамы — у госпожи Беньяминс, которая издавала журнал и была миллионершей. <...>

В день свадьбы бабушки госпожа подарила ей обеденный сервиз. Этот сервиз Ульсик видел: он светлый, кремового цвета с коричневатыми букетиками. Большие и маленькие тарелки и

еще всякая незнакомая Ульсику посуда, например, глубокая миска для супа с крышкой и ручками — мама называет ее *терфина*. Наверное, та богачка знала, что бабушка хорошо готовит.

Бабушка работала со счетами еще и в других местах. Сейчас она работает в больнице, в ужасно глубоком подвале. Бабушкина больница напротив парка, но если встать у входных дверей, то вдалеке, в конце улицы, виден городской вокзал.

В глубоком подвале большие металлические барабаны — как слоны, только на тонких ножках. В большие барабаны бабушка кладет барабаны поменьше, в которые складывает марлю, простыни и еще много чего. Потом бабушка закрывает большого слона крышкой, поворачивает кран набок и ждет, когда слон нагреется. Это показывают маленькие стрелки на круглых часах, по крайней мере, они очень похожи на часы. Еще бабушка что-то делает с водой, говорит, что чистит, чтобы можно было оперировать людей. А вот Ульсик не думает, что водой можно оперировать.

— Ульсик, ты не знаешь, что такое операция? Тут в больнице только и крутишься!

Конечно, Ульсик знает. Бабушка ведь рассказывала. Ульсик однажды и кино такое видел, но он знает и то, что водой не оперируют.

— Ты меня обманываешь. Людей оперируют ножами и шприцами.

Эти ножи бабушка тоже как-то чистит. Когда бабушка вынимает из больших металлических слонов маленькие и большие барабаны, она к ним прикрепляет записки. Они пишутся на таких, вроде, корочках, Ульсику это здорово интересно. Бабушка говорит, что записки нужны, чтобы знать, когда все было вычищено и для какого доктора какой барабан приготовлен.

Ульсик очень радуется, если бабушка гостит у них дома. Она всегда готовит Ульсику какое-нибудь лакомство. Мама тоже вкусно готовит, но у нее много работы с хорами. Бывает, что они с папой и хорами уезжают на несколько дней. Бабуле известно, что Ульсику особенно нравятся ее пирожки и булочки с тмином. <...>

9. Ульсик не встречает космонавтов

Через несколько дней, а Ульсику кажется, что прошло очень много времени, бабушка говорит:

— Ульсик, случилось невероятное. Мама у моря встретила Гагарина и других космонавтов. Она так в телеграмме написала. И поэтому хор вернется в Ригу двумя днями позже.

Ульсик знал, что в поездке случится что-то особенное. Именно в этой поездке, когда Ульсик так хотел поехать вместе со всеми, а взрослые оставили его дома. Хотя Ульсик еще маленький, но ему известно, кто такой Гагарин. Что он самый знаменитый в мире, потому что первый полетел в космос. Это же событие, которое показывали по телевизору и о котором говорили по радио во всем мире. Ульсик, правда, тогда был еще слишком мал, но и он видел первого космонавта по телевизору много раз. Это, наверное, очень важно, ведь его и космический корабль, который и на корабль совсем не похож, показывают каждый год.

Ульсик еще больше расстраивается, что его не взяли в Крым, и еще больше ждет маминого возвращения. Ульсику всегда есть чем заняться дома, но тут мама что-то долго не едет. А так хочется услышать, что она расскажет.

Наконец мама и хор возвращаются. Их встречает огромная толпа. Многие узнали о встрече с космонавтами. Правда, когда мама от имени хора прислала в Ригу телеграмму, чтобы автобусам разрешили выехать несколькими днями позже, то руководители клуба и автобусного парка, которым была адресована телеграмма, сказали, что от этих артистов всего можно ожидать, но вранье и выдумки о встречах с космонавтами — это слишком даже для мамы Ульсика. Все знали, что такой встречи не может быть. Не может быть, и все.

Вот мама и дома. Из своего Ленинграда с учебы приехал папа. Наверное, он так же, как и Ульсик, страшно жалеет, что не встретил космонавтов. В гости приходят родители Юрика. И начинается вечер рассказов. Мама кладет на стол много маленьких фотографий. Почти на всех она сфотографирована с купающимися людьми. Все, что она рассказывает, Ульсик просто не способен понять. Но понимает главное: это было здорово.

Девушки, когда ехали в автобусах, держались молодцом, только одной хористке по дороге от жары стало нехорошо, пришлось обратиться за помощью в местную поликлинику. Но до Крыма добрались честь честью.

Хор спел все предусмотренные концерты. Красиво спел.

Ульсик знает, что некрасиво петь мамин хор не умеет. Так что ничего особенного в этом нет.

— После последнего концерта руководитель местного винодельческого совхоза Иван Иванович, так его там звали, предложил нам остаться на ближней базе отдыха своего хозяйства. Переночевать всем вместе в огромной палатке на берегу Черного моря. Во время сбора урожая там ночуют все сборщики винограда. Он сказал, что и дети тоже, потому что на полях виноград часто собирают пионеры.

– Видишь, мама, а ты меня не взяла.

– Ты же еще и в школу не ходишь, Ульсик! А это было не так уж легко.

Ульсик в рассказах о крымской поездке ни о чем таком трудном не слышит. Мама, видно, говорит это просто так.

– Когда мы туда добрались, Иван Иванович мне шепнул, что позже приедут космонавты. Показалось невероятным: никто же не встречается с космонавтами в будничных обстоятельствах.

Они приехали, потому что меня там не было, думает Ульсик. Вот всегда так: все важное происходит с другими.

– Они ведь живут рядом с тренировочными лагерями в специальных поселках, городах и только иногда участвуют в каких-то парадных мероприятиях – в Москве на Красной площади или за границей на торжественных встречах с руководителями государств, – мама Юрика не в силах поверить небывалым рассказам.

– А как же, кто ж не знает, как строго их охраняют.

Ульсику кажется, что родители Юрика маме не верят. Ульсик верит, но какая в этом радость. Ульсика-то снова не взяли!

– А что потом? Приехали?

– Подъехала машина, и из нее вышел человек в серых брюках – его лицо узнал бы любой. Да, это и вправду был Юрий Гагарин.

– Сразу узнали?

– Конечно, узнали. Еще он сказал, что останется здесь, только съездит за Комаровым и остальными – Быковским, Николаевым. Добавил, что позже будет и первая женщина-космонавт Валентина Терешкова, но она не приехала.

– А что они ели? То же, что и вы? – Ульсик не верит, что космонавты едят, как все. Юрик сказал, что из тюбиков. Вроде зубной пасты.

– У космонавтов специальная еда. Мы думали, как же их встретить, и придумали – в море. Когда космонавты приехали и пошли купаться, мы окружили их в воде и спели “Песню русалок” Эмиля Дарзиньша. Ульсик, ты ведь помнишь: “Нет моря без глубы, приди, ах, приди!”? Они так растрогались.

– А что было дальше? – мама Юритиса не может вытерпеть.

– Дальше случилось невозможное. Вечером устроили общий концерт. Выступали и наши девушки, и замечательный ансамбль мужей наших хористок – “Дзинтарсдзидрайс”, чистый янтарь. Да, и некоторые мужья, которые с нами приехали, и особенно Харийс, муж нашей Качи, в костюме морского владыки Нептуна, украшенном водорослями.

— Это тот, который на Новый год так смешно нарядился? — Ульсик хочет знать. Тогда он просто обхохотался. Не верил, что у этого чудака что-то общее с хором.

— Конечно, тот самый. Харийс Ротбергс. Ты ведь знаешь их дом в Межапарке, — разъясняет папа.

Ульсик думает, что папа не может знать, был ли именно тот дяденька крымским Нептуном. Он же не ездил с мамой.

А мама продолжает:

— Потом выступали сами космонавты. Пели разные песни. Мне очень понравился Комаров. Скромный, сдержанный, вежливый. А веселый нрав Гагарина ни для кого не секрет. Вот фотография, где они с Комаровым несут меня на руках.

Фотография три раза прошла по кругу. Мама Юрика что-то тщательно изучает. Может быть, думает, что это все-таки не космонавты?

— А про то, как на лодке плыли, тоже хорошо, — папа от мамы, конечно, уже все слышал.

— Да, Гагарин меня и нашего концертмейстера Руту на лодке катал, и вдруг ветер отнес лодочку далеко в ту сторону, где кончается закрытая зона отдыха и начинается общий пляж.

— И что потом, что случилось потом?

— Там в море плавали дамы на надувных матрацах. Гагарин все матрацы ловко переворачивал, дамы визжали и сначала ругались, но потом узнали его и его улыбку. Весть пролетела быстрее молнии, и за нашей лодочкой по берегу уже следовала огромная толпа. Невероятно... Да, невероятно. Мы счастливо вернулись на свой пляж, и Гагарин, конечно, вынес меня из моря на руках.

— И потом они уехали?

— Нет, совсем наоборот. Вечером мы устроили дружеские посиделки. Именно тогда космонавты сказали, что впервые отдыхают по-человечески, без строгого регламента, без охраны, вместе с нормальными людьми. Да еще с такими, как мы! Такой хор, такие песни, беседы! Очень просили нас остаться еще на денек. Это для них было очень важно.

Ульсик слушает и сравнивает рассказ о космонавтах с тем, что сам видел по телевизору. Если бы это была не мама Ульсика... Но мама никогда не обманывает.

— Приняли космонавтов в почетные члены “Дзинтарса” — и Гагарина, и Комарова.

— Что такое регламент? — Ульсик запомнил иностранное слово.

— Это особенно строгие правила. Например, если тебе позволено играть только дома, то нельзя выходить во двор и встречаться с другими детьми.

— А на тех картинках что? — Ульсик хочет знать, и все остальные тоже.

Мама показывает:

— Вот на этой фотографии я сижу в морских волнах у самого берега, а Гагарин как будто зовет — приди, ах, приди! Точно как в “Песне русалок”. А на той фотографии я в платье, а космонавты почти в костюме Адама. Ни одна из газет не хочет публиковать — они везде в плавках... Обещали Гагарину и Комарову, что через год вернемся в Крым и встретимся.

Ни Ульсик, ни мама еще не знают, что через несколько месяцев Комаров, выручая своего друга Юрия, полетит в космос. Комарову было известно, что корабль не исправен, а позже, в момент аварии, не раскрылся и парашют. Еще никто не знает, что хор вместо условленной встречи поедет на похороны Комарова. Не знает, что через год “Дзинтарс” все-таки поедет в Крым, и родители Ульсика всю ночь будут разговаривать с командиром космонавтов. О чем-то очень печальном. Никто не знает и того, что потом через короткое время в полете погибнет и Гагарин — почетный член мамино-го хора с членским билетом под номером “1”.

<...>

12. Ульсик в царском дворце

— Вот и Ульсик наконец-то увидит Ленинград, — папа, видно, этому особенно радуется. Наверное, хочет показать Ульсику, куда он ездит учиться дирижированию.

— А там лучше, чем в Грузии? — Ульсик все вспоминает поездку с бабушкой на юг.

— По-другому. Совсем по-другому. Но тоже очень красиво. Такие дворцы! — Папа знает, чем можно прельстить Ульсика.

— А короли и королевы? — Ульсик никак не успокоится.

Но папа уже ушел на работу. Заниматься своими хорами. Или в консервную школу. Так однажды Ульсик назвал консерваторию. Как же все смеялись! Ульсик страшно обиделся. И до сих пор называет место папиной работы консервной школой. Во-первых, настоящее название невозможно выговорить. И еще для того, чтобы взрослые поняли, что нельзя же все время над Ульсиком смеяться.

Но дворцы такие заманчивые. Про королей надо бы еще выяснить. Может, там все в каретах ездят? Ульсик даже и не надеется на такие чудеса. Ну а если все-таки?

Наконец наступает долгожданный день. Ульсик немного озабочен, потому что хорошо помнит тот раз, когда его не

взяли в Крым. А если и сейчас случится то же самое? Но нет, сегодня все в порядке. У Ульсика своя дорожная сумка, как у хористок, с которыми они встречаются на Рижском вокзале.

Они едут поездом. Ульсик еще никогда не ездил на поезде ночью. Это так удивительно, особенно маленькие комнатки с двухэтажными постелями. И только они с мамой находят свою комнатку, Ульсик тут же вскарабкивается на второй этаж. Потом быстренько сползает вниз и тотчас снова лезет вверх.

— Ульсик, не топчи чемоданы! И не развали все купе! Тут так нельзя! — Да уж, взрослые только и умеют, что запрещать.

Ульсик и не думает что-то топтать или разваливать.

Зато он теперь знает, что в поезде маленькая комнатка с четырьмя постелями называется купе.

— Ульсик, осторожно! Не забудь, что нас в купе пятеро.

— Как пятеро? Здесь же только четыре места. — Это даже Ульсик может сосчитать.

— Вон, и пятая пришла! — В двери очень осторожно протискивают огромное нечто в диковинной обертке.

Только через некоторое время Ульсик понимает, что пятой в их купе будет та самая арфа, которую он уже видел на концерте в Домском соборе. А сама арфистка, которая кажется Ульсику настоящей феей, сегодня будет спать на верхней полке напротив него. На нижних полках сидят мама и солистка, которая едет вместе с маминым хором. Вроде, Ивонна. Из соседнего купе к ним приходит другая солистка. Ульсик тихонечко спрашивает у мамы: ее зовут Дайна? Мама отвечает: нет, это фамилия, а зовут ее Леонарда. Что за диковинное имя, думает Ульсик.

Обе солистки все-таки устраиваются в соседнем купе, потому что арфе требуется отдельное место. Ульсик уже понял, что Арфе нужно место. Кто его знает, что, собственно, нужно такой громадине — может, фее пришлось купить для нее билет? Но Ульсик не спрашивает. Думает, фея рассердится. Хотя тогда на концерте она извлекала из арфы волшебные звуки. Как настоящая добрая фея.

Всем приносят чай. Такие стаканы в железных оковах Ульсику никогда не приходилось видеть. Даже в Грузии. Ульсик чай не пьет. На всякий случай. Ульсик уже напился чаю дома. Новую еду и напитки всегда надо тщательно проверять. Но с голоду Ульсик не помрет, так сказала бабушка и положила ему в сумку бутерброды. Фея очень переживает:

— Наверное, не смогу спать всю ночь. Вдруг с инструментом что-нибудь случится.

Ульсик уже раньше заметил, что взрослые ужасные трушшки.

Вот говорят:

— Испугался, как маленький.

Ульсику давно ясно, что надо говорить “испугался, как большой”. Даже фея боится. И ведь никакой причины нет. Ульсик размышляет, размышляет, стук колес потихоньку убаюкивает его как колыбельная, и просыпается он уже в Ленинграде.

— Встаем. Ленинград. Через десять минут выходить! — кричит сердитая полная тетя и дергает двери их купе.

Оказывается, остальные давно встали. Как это Ульсик проспал?

Миг, и Ульсик уже спрыгнул вниз с верхней полки. Платье, кофточка, небольшая толкотня в коридоре вагона, и весь хор уже стоит на перроне в Ленинграде. Дворцов пока не видно. Карет тоже. Ну, посмотрим, что будет дальше.

Дальше всех везут оставить вещи в огромном здании. Мама говорит, это общежитие музыкантов. Ульсик не совсем понимает, что это значит. Они с мамой будут жить в большой комнате, и фея — с ними. Ульсик надеется, что по вечерам она будет им играть.

Мама на минутку отводит Ульсика к реке.

— Видишь разводные мосты? Чтобы по реке Неве могли плыть корабли, мосты разводят. Они раскрываются, как ворота, и корабли плывут в море. А за рекой Петропавловская крепость.

Интересно, похожа ли эта крепость на ту, в которой когда-то родилась мама? Но больше всего Ульсика интересует величественное прекрасное здание на берегу реки. Он догадывается, что наконец-то перед ним настоящий дворец.

— Это дворец, где король и королева?

— В России правитель назывался царь. Да, до революции он жил здесь, в Зимнем дворце, с семьей, но царя свергли. Их звали Романовы. А потом всех убили.

Ульсик с трудом понимает, о чем говорит мама. Но старается.

— А сейчас тут никто не живет?

— Там сотни залов, множество картин и других красивых вещей. Люди каждый день приходят смотреть.

— И мы пойдем?

— Если будет время, обязательно.

Ульсик знает, что взрослые обычно так и отвечают. Ульсик знает, что взрослым нельзя верить до конца. Всегда ответят, что времени нет. Почему же у Ульсика всегда есть время? Он все успевает.

Мама тянет Ульсика обратно. У хора сейчас начнется репетиция в Капелле имени Глинки. Говорят, это большой концертный зал тут же, рядом с Дворцовой площадью.

Они приехали в огромный город с прекрасным царским дворцом, а Ульсику надо в сто первый раз слушать эти Рождественские песни. Арфа, конечно, звучит замечательно, и Ульсику по-прежнему нравится в этом произведении то место, где "... и в апреле это было давно, в апреле было давно, когда весть благовую деве принес, аве...". Но сколько можно выдержать одно и то же! Ну, может, им легче. Ульсик сидит в зале капеллы в последнем ряду, затем потихоньку спускается по лестнице, открывает большие двери и идет по улице в сторону Дворцовой площади. Ульсик очень хорошо помнит верное направление. Вон, те большие ворота, и, гляди-ка, сама площадь. Ульсик на площади почти один. Наверное, в этом городе все долго спят, можно сообразить, ведь их поезд прибыл очень-очень рано.

Посередине площади огромный столб. На вершине столба кто-то держит крест. Может, это могила царя? Бабушка однажды сказала, что кресты ставят на церквях и могилах. А это точно не церковь. Ульсик идет дальше, к дворцу. Там так много окон, что Ульсику точно не сосчитать. Но у него нет и времени этим заниматься. Надо найти вход во дворец. Пока кто-нибудь не нашел самого Ульсика и не сказал, что для похода во дворец нет времени.

Ульсик удачно находит входные двери. Замечает, куда идут две тетеньки, и идет за ними. Прямо в двери, вверх по ступеням, а потом Ульсик оказывается на такой широкой лестнице, по какой никогда и не ходил. И здесь так много золота. Ульсик входит в первый зал. Он в восторге. Вначале идет по комнатам медленно-медленно, потом начинает торопиться. В некоторых местах останавливается. Ульсик уже представляет, как будто он из царской семьи. Ульсик останавливается в одном из залов, который ему кажется самым великолепным.

— Это малахитовый зал. Но где, малыш, твоя мама?

Ульсик понимает, что сейчас его начнут расспрашивать. Понимает, что спросили про маму. Уж настолько он знает русский язык. Ульсик обгоняет двух своих спасительниц и делает огромный круг по всему дворцу. Почти бегом. Дворец осмотрен. Ульсику кажется, что это самый громадный дворец во всем мире. Картины на стенах Ульсик толком не успевает рассмотреть. Как-нибудь в другой раз. Ульсик направляется обратно. И, что за чудо, он опять на огромной лестнице.

Ну, теперь остается быстро перебежать через площадь, миновать ворота и — на репетицию. Ульсик успевает. Хор только что закончил петь. И мама ничего не заметила.

Вечером фея на арфе не играет. Арфа оставлена в капелле. Разве фея не боится, что с арфой ночью может что-нибудь

произойти? Может, ее мыши погрызут? В купе поезда она так страшно переживала за нее, а здесь оставила в совершенно чужом месте. У Ульсика арфа была бы в полной безопасности.

О своем походе во дворец Ульсик маме ничего не рассказывает. Когда утром она говорит: “Наконец-то ты увидишь свой дворец!” — Ульсик вздрагивает.

Они идут во дворец. Мама покупает билет, медленно, останавливаясь у картин, они проходят по залам и входят в зеленый зал, в котором Ульсик накануне так долго стоял и восхищался. К маме подходит вчерашняя тетя. Ульсик тем временем убегает в следующую комнату.

— Ульсик, погоди!

Через миг к Ульсику подходит мама.

— Мне тут сказали, что тебя вчера уже видели в Зимнем дворце. Это же невозможно!

Ульсик понимает, что придется признаться. Ведь неизвестно, что та тетя из зеленого зала, маме наговорила.

— Нет, это невероятно! И я даже не заметила! Как тебе вообще удалось найти дворец, как внутрь попасть? Сумасшедш... — Ульсик чувствует, что мама на этот раз по-настоящему и не сердится. Так только, для виду.

Потом они еще раз проходят по дворцу. И мама рассказывает много интересного: о картинах, мебели, нарядах, роскошных часах, о самих царях. Большую часть из маминых рассказов Ульсик забывает, еще и не успев сесть в рижский поезд.

<...>

Светловолосая девочка в цветистом ситцевом платье вместе с бабушкой идет по проходу громадного зрительного поля мимо бесчисленных рядов скамеек и приближается к сцене. “Сто лет со дня, сто лет со дня...”, — гудит вокруг уже на протяжении всего лета. Вокруг огромного поля — сосны. В середине — кажется, все-все люди, которые живут на земле. Девочка с бабушкой доходят до второго ряда и садятся на свои места. Перед девочкой два знакомых затылка. Один знакомый затылок — светлые волосы, уложенные в высокую прическу — поднимается и по ступеням идет на большую трибуну, украшенную гирляндами из дубовых листьев.

— Лишь бы каблук за подол не зацепился в первый-то раз! — бормочет бабушка себе под нос.

Взмах рук, которые столько раз ласкали девочку, и на этой самой главной сцене в десять тысяч голосов раздается: “День большой настал для песни, зазвенела вся земля...”